

0- 794531

На правах рукописи

Амелина Любовь Владимировна

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕ-
СКОГО ТОЛКОВАНИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОРНИТОНИМОВ
(на материале русского и немецкого языков)**

Специальности: 10.02.01. – русский язык
10.02.19. – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Орёл - 2012

Работа выполнена на кафедре теории и истории русского языка ФГБОУ ВПО
«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Научный руководитель – доктор филологических наук профессор
Макаров Владимир Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Никитин Олег Викторович

кандидат филологических наук доцент
Россихина Мария Юрьевна

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный
университет»

Защита состоится «16» марта 2012 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при Орловском государственном университете по адресу: 302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского государственного университета.

Автореферат разослан «16» февраля 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793115

Учёный секретарь
диссертационного совета

Гришанова В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению тематической группы «Орнитонимы» (на материале русского и немецкого языков): её семантики, состава и особенностей функционирования, принципов лексикографического описания в толковых словарях, а также лингвокультурологических особенностей, отраженных в мифологии, национальном фольклоре и фразеологии языка.

Естественное стремление ученых реконструировать языковые и культурные связи народов обусловило появление ряда исследований данной тематической группы в славянских и неславянских языках.

Именования птиц в белорусском языке были подвергнуты серьезному анализу Н.П. Антроповым, выделившим генетические и типологические соответствия белорусским названиям птиц в других славянских языках и изучившим принципы номинации орнитонимов. Тщательный анализ номинации украинских орнитонимов осуществила А.И. Богуцкая [Богуцкая, 1985], интересное и глубокое исследование национально-культурной специфики орнитонимов в украинском и немецком языках провела Л.В. Дробаха [Дробаха, 2003].

Система орнитонимов русского языка явилась объектом изучения М.М. Гинатуллина [Гинатуллин, 1973], Л.Ф. Моисеевой [Моисеева, 1974], Н.Б. Нероновой [Неронова, 2000], Н.В. Дмитриевой [Дмитриева, 2010]. Важные для познания русского национального языка и русской культуры исследования названий птиц в русских говорах осуществили Г.М. Левина [Левина, 1974] и Е.В. Лысова [Лысова, 2002].

В последнее время появились содержательные, глубокие исследования, в которых русская орнитонимия сопоставляется с неславянской: французской [Симакова, 2004], английской [Костина, 2004] и пр. Так, свет увидели работы, в которых осуществлено русско-англо-французское сопоставление мотивации орнитонимов [Савенко, 2010], исследованы фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом в английском и турецком языках [Пименова, 2002].

Достаточно давно стали подвергаться изучению орнитонимы немецкого языка. Фундаментальный труд, посвященный данной тематике, появился еще в 1909 г. Его автор, Хуго Суолати [Suolathi, 2000], на большом фактическом материале исследовал происхождение и развитие немецких орнитонимов на каждом языковом этапе, начиная с индоевропейского праязыка. Для нас важно, что с целью установления территории бытования того или иного орнитонима ученые привлек диалектные наименования.

Литературные обозначения птиц в германских (немецком, английском) и романских (французском) языках с целью установления способов мотивации и выявления того, какой из языков содержит наименьшее или наибольшее количество мотивированных/немотивированных слов, проанализировал Х. Лайзеринг. При этом автор закономерно связал свое исследование с вопросами этимологии и толкований той или иной лексики [Leisering 1984: 26].

Изучению семантических процессов в немецких научных наименованиях птиц посвящена работа Виктора Вембера. Важная, на наш взгляд, отличительная

особенность данной работы заключается в том, что автор объясняет мотивацию не только немецких, но и латинских орнитонимов, убедительно раскрывая влияние латыни на немецкую терминологию [Wember, 2007].

В современной лингвистике широкое развитие получила антропоцентрическая парадигма, в соответствии с которой человек познает мир через осознание себя и творит в своем сознании антропоцентрический порядок вещей. Вместе с тем развивается и иной, набирающий силу «экологический», «биоцентрический» подход, обращающий нас к новому решению проблемы взаимодействия человека и природы, к пониманию мира как живого целого, осознанию необходимости бережного отношения к этому миру, к живой природе [Глой 1999: 460]. Однако сближение с природой невозможно без ее основательного изучения, и лингвистическая составляющая исследования мира живой природы также имеет важное научно-познавательное значение.

Актуальность темы исследования определяется усиливающимся научным интересом к изучению взаимодействия языка и культуры и особой важностью изучения тех тематических групп, которые характеризуются древностью возникновения и тесными генетическими связями с их народными истоками.

Изучение орнитонимов с использованием всеохватывающих или спорадических сопоставлений изучаемого языка с каким-то близкородственным или восходящим (как, например, русский и немецкий языки) к одному первоисточнику является предпочтительным.

Всякое глубокое познание того или иного лексикона предполагает выход исследователя за пределы изучаемого говора или языка: такая практика обусловлена самой лексической системой, ее интра- и экстралингвистической сутью. Такие сопоставления необходимы для развития теории языка, для уяснения особенностей различных тематических групп в их истории и современном состоянии, для реконструкции адекватной истории изучаемого языка и духовной культуры его носителей.

Лингвистический анализ орнитонимов, их семантики, процессов семантического словообразования, способности быть «производящей основой» для множества паремий, отображающих мировосприятие и культуру народа на разных этапах его развития, уяснение связи птиц и их наименований с мифологическими представлениями народа, изучение роли орнитонимов в расширении изобразительных возможностей языка – все это позволяет внести определенный вклад в познание национальной духовной культуры и ее традиций.

Объектом данного исследования служит орнитологическая лексика русского и немецкого языков, а также фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты-орнитонимы.

Предметом исследования стала семантическая структура орнитонимов, принципы лексикографического описания этой группы, её структурно-функциональные и лингвокультурологические особенности.

Материалом для исследования послужила авторская картотека, созданная на основе сплошной выборки фактического материала из различного рода словарей (толковых, двуязычных, терминологических, фразеологических, диалектных, этимологических, мифологических) и справочников. Используемая в работе кар-

тотека составляет: наименований птиц – 560 (370 орнитонимов русского и 190 орнитонимов немецкого языка); фразеологических единиц, содержащих орнитонимы, – 200. Широко использованы тексты мифов, легенд, сказок, различных обрядовых песен и пр., а также языковые источники: фразеологизмы, пословицы, поговорки, устойчивые образы.

Анализ дефиниций наименований птиц проводился нами на основе данных БАС и словаря Дудена, с привлечением других толковых словарей. Дефиниции, взятые из словаря немецкого языка Дудена, представлены в данной диссертации в нашем, авторском, переводе. В тех немногочисленных случаях, когда в последнем словаре нет толкования орнитонима, мы рассматривали семантизацию слова в словаре Г. Варига.

Исходя из сказанного, целью нашей работы является изучение лексико-семантических особенностей тематической группы «Наименования птиц», анализ опытов её семантизации, исследование национально-культурной специфики. Указанной целью определяются конкретные задачи работы:

- 1) рассмотреть семантику орнитонимов русского и немецкого языков в их системных связях, отношениях и эволюции;
- 2) исследовать вариативность в системе орнитонимов как отражение универсальной категории языка;
- 3) раскрыть мотивировочные признаки, положенные в основу наименований птиц;
- 4) изучить орнитонимы как один из активных источников расширения выразительных возможностей словарного состава языка, прежде всего системы его агентивов;
- 5) описать национально-культурную специфику орнитонимов, отраженную в мифологических представлениях наших предков, а также в фольклоре и фразеологии языка.

Гипотеза исследования: ТГ «Орнитонимы» в русском и немецком языках характеризуется яркой самобытностью, начавшей проявляться уже в древности и с течением времени усилившейся. Лексическая система русского языка отражает как специфические черты системы русских наименований птиц, так и особенности, общие с иноязычной, в частности, немецкой орнитонимией, что проявляется не только в первичных, прямых значениях орнитонимов, но и в их генетически более поздних, переносных значениях.

Методы исследования определены поставленными в работе задачами и фактическим материалом: использован описательный метод, включающий в себя отбор, первичную обработку фактического материала, аналитический, классификационный, лексико-семантический (дифференциацию лексики по тематическим и лексико-семантическим группам), элементы статистического и компонентного анализа (в частности, дефиниционный анализ), элементы сопоставительного метода.

Научная новизна диссертации определяется тем, что исследование лексико-семантических, лексикографических и лингвокультурологических особенностей орнитонимов на материале русского и немецкого языков проводится в данной диссертационной работе впервые.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что попытка изучения орнитонимии русского языка на фоне учета соответственных лексических явлений немецкого языка вносит определенный вклад в углубление научных представлений об особенностях специальной лексики. Поскольку факторы экстралингвистического порядка в орнитонимах сведены фактически к минимуму, теоретическая значимость работы состоит также в том, что собственно языковые процессы (парадигматические отношения, широкое развитие семантического словообразования, иерархия мотивационных признаков и т.д.) представлены здесь весьма широко и поэтому дают лингвистической науке определенный материал для выявления языковых универсалий. Расширение и систематизация знаний, связанных с ролью птиц и называющих их орнитонимов в формировании и развитии духовной жизни народа, вносит определенный вклад в теорию взаимодействия языка и духовной культуры, демонстрируя в этом процессе у разных народов не только различное, но и общее.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования её результатов в лексикографии, при подготовке терминологических словарей в связи с тем, что в исследовании уточнена семантика определенного числа орнитонимов, представленных в толковых словарях. Материал работы может найти применение также в ходе изучения языков в вузе и школе как иллюстрация образной стороны языка и участия в ее создании народа, а также в качестве одного из познавательных стимулов формирования интереса к изучаемому языку.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 11 статьях, четыре из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ для кандидатских исследований, апробированы на различного уровня научных и научно-практических конференциях (см. список публикаций).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Тематическая группа «Орнитонимы» в русском и немецком языках отражает как общие, универсальные семантические процессы, так и процессы, специфические для каждого языка.
2. Вариативность орнитонимов в языках и диалектах – одна из наиболее ярких особенностей данной тематической группы.
3. Тенденции к усложнению, дифференциации орнитологической терминологии научной сферы в народной речи противостоит тенденция к конденсации наименований, к их семантической диффузности.
4. В каждом из языков существуют различия не только в характере семантизации орнитонимов в филологических и энциклопедических словарях, но также в подходах к семантизации орнитонимов в филологических словарях двух народов.
5. Исследование семантизации орнитонимов в толковых словарях заставляет по-новому осмыслить соотношение филологических и энциклопедических толкований в словарях.
6. Общеупотребительные орнитонимы, входя в устойчивый фонд лексики, обладают древней символикой и участвуют в формировании «языковых картин мира». Большинство мифологем и архетипов, давших жизнь фразеологизмам и образно-мотивированным словам, стерты, закодированы в

языковых единицах, отражающих религиозно-мифические представления народа.

Структура работы обусловлена целями, задачами, проблематикой и методологией исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка, а также Приложения, включающего в себя Список сокращений и Словоуказатель.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяются цель и задачи исследования, формулируется его объект и предмет, излагаются основные положения, выносимые на защиту, постулируется теоретическая и практическая значимость работы, указываются методы анализа материала, приведены сведения об апробации работы, описана структура диссертации.

В первой главе «**Теоретические основы изучения орнитонимов**» проанализированы и обобщены основные научные позиции, связанные с изучением наименований птиц. Исследование данной тематической группы базируется на сравнительно-историческом методе – по отношению к лексике русских говоров или близкородственных (славянских) языков, а также на сопоставительном методе – для языков неродственных или дальнего родства. Кроме того, в последнем случае применяется метод «параллельного изучения», то есть изучения лексики обоих языков с использованием приемов и методики описательного метода и сопоставления полученных результатов [Кодухов 1974: 276]. Такая методика помогает установить как общие соответствия между сопоставляемыми языками в системе орнитонимов, так и контрастирующие языковые факты.

Тематическая группа, экстралингвистическая по своей сути, может иметь ряд тематических подгрупп, или микрогрупп. Описание орнитонимов, как и исследование наименований животных, растений, требует от исследователя глубоких знаний не только в сфере собственно языковых законов и закономерностей, но и познания многообразных особенностей самих денотатов. Исследование терминов, в том числе и орнитонимов, невозможно без рассмотрения их места в той или иной области знаний. Поэтому классификация и анализ лексики, могущей восприниматься носителями языка, с одной стороны, как общепотребительной и общепонятной, а с другой – как узкоспециальной, профессиональной, научной, не может опираться на какое-то чисто бытовое понимание различий в денотатах.

Научная сфера характеризуется иерархической структурой организации орнитонимов, учитывающей основные таксономические категории в систематике живых организмов: вида, подвида, рода, семейства, отряда, в которой видовые и подвидовые наименования птиц занимают низшие ступени.

Каждая из названных «ступеней» систематизации живых организмов реализуется в определенном наборе их существенных внешних и внутренних признаков, которые в своей совокупности и создают представление о том или ином «организме» и о понятии о нем, воплощенном в значении отображающего его слова. Естественно, наше исследование не может не базироваться на учете

указанных таксономических категорий, и фактический материал 2-й главы по этой причине дифференцируется на основе экстралингвистической, научной классификации.

С точки зрения структуры лексическое значение орнитонима содержит денотативный компонент, а также, в большей или меньшей степени, коннотативный и эмпирический компоненты.

Денотативный компонент орнитонимов достаточно сложен: он представляет собой единство грамматических, лексико-грамматических, категориально-лексических, дифференциальных и потенциальных сем, связанных, как правило, отношениями уточнения.

Коннотация, как дополнительная информация по отношению к понятию, как часть значения, определенное отношение участников акта общения к предмету речи [Стернин 1979: 89], в системе орнитонимов представлена достаточно широко, особенно в формах, выражающих, как будет показано ниже, эмотивно-оценочные характеристики именований. Характеризуя коннотацию, об этом писала В.Н. Телия: коннотация – это «семантическая сущность, узואльно или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный оттенок» [Телия 1986: 3]. Многие орнитонимы содержат в себе это эмотивно-оценочное значение, возникающее особенно часто в процессе семантической деривации.

Содержательная сторона наименований птиц исследуется нами с помощью дефиниционного анализа, являющегося разновидностью компонентного анализа, служащего в сопоставительных исследованиях, как подчеркивает В.Г. Гак, весьма эффективной микролингвистической методикой, при использовании которой «исследование уходит в глубь языковых форм, благодаря чему ученые в состоянии выявить характерные особенности слова и его семантики в целом» [Гак 1989: 13].

Словарная дефиниция выступает как форма фиксации семантических компонентов, сем. Как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, большинство словарей в основном дает достаточно верную картину словарных значений слов и их семантических компонентов [Кузнецов 1980: 85]. Однако в толковых словарях не всегда можно обнаружить полный набор смысловых элементов, или сем. По этой причине в нашем исследовании этой важной теоретической проблеме отводится заметное место: проводится специальный анализ семного описания значений орнитонимов в лексикографических источниках.

Часть дефиниции, содержащую в себе указания на родовые признаки понятия, отраженного в слове, принято обозначать термином *идентификатор*, в то время как словарными *конкретизаторами* являются единицы толкования, используемые для создания и анализа структуры толкования слова. Так, словарными конкретизаторами в толковании орнитонима *скопа* – крупная хищная птица сем. ястребиных, обитающая по берегам рек, озер, морей и питающаяся рыбой [БАС 1962: XIII, 1008], являются единицы *хищная: обитающая по берегам рек, озер, морей; питающаяся рыбой*.

Отдельные толковые словари русского (как и немецкого) языков отражают качественно и количественно разный состав орнитонимов. Совершенно незначительная часть орнитологической лексики отсутствует в словарях русского и немецкого языков в связи с эндемичностью той или иной разновидности птиц, то есть бытованием их на какой-то более или менее ограниченной территории и отсутствием, невозможностью их проживания (по причинам биологического, климатического характера) на какой-то иной территории. Так, словарь Дудена не содержит толкования слова *Gerfalke* «кречет». Возможно, это связано с тем, что *кречет* населяет арктические и субарктические области. В то же время словарь Г. Варига толкует орнитоним *Gerfalke* как «особенно сильный сокол северных тундр и лесных областей, часто используется как ловчая птица: *Falco rusticolus*» [Wahrig 199: 546]. Однако таких эндемиков на территориях Германии и России относительно друг друга мало, поскольку птичий мир этих стран объединяется в одну общую группу птиц европейского континента. В связи с понятием эндемичности отсутствие на какой-то территории того или иного вида птицы может обуславливать отсутствие его названия в словаре, хотя отсутствие его в словаре еще не есть неопровержимое свидетельство отсутствия на соответствующей территории самого денотата: это может быть и результатом недосмотра собирателей слов.

Тематическая группа «Орнитонимы» включает в себя лексемы, принадлежащие к разным сферам их использования: 1) научной; 2) литературной; 3) разговорно-просторечной и диалектной. Эта сложность структуры лексикона при отсутствии достаточных биологических знаний затрудняет рядовому пользователю орнитонимами выбор нужного наименования в различных ситуациях общения. Недостаточностью научных биологических знаний объясняется также широко распространенное явление, заключающееся в обозначении одним словом из второй и третьей групп *различных* разновидностей птиц, схожих по каким-то чаще всего внешним признакам. В связи с этим необходимым атрибутом словарной статьи, толкующей орнитоним, должно быть латинское обозначение термина.

В русском языке орнитонимы-термины очень часто представляют собой словосочетания, тогда как в немецком языке имеют, как правило, форму сложного слова. По этой причине они, естественно, не всегда фиксируются толковыми словарями. Так, в БАС не находим эквивалентов таких орнитонимов, как *Schnee-Eule* «белая сова», *Steinkauz* «домовой сыч», *Waldkauz* «неясыть обыкновенная», *Waldohreule* «ушастая сова» и др. В связи с этим в русских и немецких словарях наблюдаются значительные несовпадения представленности орнитонимов как соответственных явлений.

Общеупотребительные орнитонимы зафиксированы в толковых словарях и представляют собой, как правило, однословные названия птиц (русс. *сорока, галка, дрозд, ястреб*, нем. *Elster, Dohle, Drossel, Habicht* и мн. др.). В просторечно-региональной сфере орнитонимы русского языка могут иметь как однословную форму, так и форму словосочетания (*кобец, галица, клуша, курохват, грай, морская ласточка, каменная ласточка, белохвостый беркут, лесная воро-*

на и др.). В немецких же диалектах предпочтение отдается однословным формам (*Spunziger, Mösch, Spatzert, Gesparn, Sperk, Zwilich* и др.).

Актуальной и теоретически важной для исследования является проблема, связанная с идущим от Л.В. Щербы четким разграничением «энциклопедических» и «лингвистических» (филологических, или языковых) словарей и, соответственно, предписанием для них особого характера толкования слов (для энциклопедических словарей и справочников - понятий). Согласно Л.В. Щербе, филологическая семантизация отличается от энциклопедической ровно настолько, насколько обиходные знания противопоставлены научным [Щерба 2004: 280]. Однако между двумя типами словарей нельзя не видеть точек соприкосновения: оба они имеют дело со взаимодействием слов и вещей, слов и понятий, хотя подходят к подобному взаимодействию, как подчеркивал Р.А. Будагов, с разных позиций и с разными целями, не во всем совпадающими [Будагов 1989: 20].

Нам представляется справедливым мнение В.Г. Гака: «... как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке» [Гак 1971: 524].

Характер лексикографических толкований (особенно специальных слов) пока не обрел единого подхода. Часть ученых признает достойными лишь толкования, которые отвечают критериям точности и научности (В.И. Абаев, А.И. Киселевский), другая ратует за отражение в толковых словарях «наивной» картины мира и в том случае, если речь идет о специальных словах (Л.В. Щерба, Ю.Д. Апресян).

Мы склонны полагать, что толкование того или иного специального слова в толковом словаре сегодня (в связи с возрастающими познавательными потребностями общества) допускает определенную степень энциклопедизма. Эту мысль высказывал еще раньше С.Г. Бархударов: «современный словарь, - писал он, - все-таки призван фиксировать передовую мысль эпохи, современные тенденции и идеи развития литературного языка» [Бархударов 1970: 7]. Кроме того, как подчеркивают многие исследователи, в настоящее время наблюдается тенденция к сближению бытового и научного представления о понятиях. Так, З.И. Комарова справедливо указывает, что сегодня возникает необходимость пересмотреть отношение к энциклопедизму и выявить обоснованную меру его допустимости в толковом словаре, для чего нужно внимательно изучить опыт не только отечественных, но и лучших зарубежных словарей [Комарова 1991: 71].

Орнитонимы, являясь частью языковой картины мира, отражают культурно-национальную специфику. Связь языка с национальной культурой, как пишет В.Н. Телия, осуществляется посредством национально-культурной коннотации как интерпретации денотативного или образно мотивированного аспекта значения в категориях культуры [Телия 1996: 214]. Источниками культурно-национальной коннотации, как показывают научные исследования, являются: 1) безэквивалентные языковые единицы, т.е. не имеющие лексических соответствий в других языках (или диалектах), обозначающие специфические для дан-

ной культуры явления [Верещагин, Костомаров 1976: 71]; 2) мифологизированные языковые единицы, а также обрядово-ритуальные формы культуры (легенды, обычаи, поверья), закрепленные в языке во фразеологизмах, пословицах, образно-метафорических единицах. В их основе лежит, как правило, мифологема (важные для мифа персонажи или ситуации, которые могут переходить из мифа в миф) или архетип (лежащий в основе мифа устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях, имеющий распространение в культуре) [Маслова 2001: 38]; 3) паремнологический фонд языка (пословицы и поговорки); 4) символы, стереотипы, ритуалы; 5) образы, содержащие основную информацию о связи слова с культурой.

Вторая глава «Лексикографическая интерпретация семантики орнитонимов в толковых словарях» посвящена анализу ЛСГ «Домашние» и «Дикие птицы» с позиции их семантики, семантических связей и лексикографического описания в наиболее значимых толковых словарях русского и немецкого языков.

В разделе 2.1. анализируются наименования домашних птиц: русск. *гусь, индейка, курица, петух, утка*; нем. *Gans, Truthuhn, Huhn, Hahn, Ente*. В разделе 2.2. исследуется семантика наименований диких птиц. В данной ЛСГ мы выделяем следующие подгруппы: птицы отряда воробьиных, соколообразных, совообразных, ржанкообразных, голубеобразных, куриных, журавлеобразных, трубконосых, кукушкообразных.

Орнитонимы как русского, так и немецкого языков характеризуются широкой разветвленностью их семантической структуры, достаточно высокой степенью полисемичности. Развитая семантическая структура присуща преимущественно древним орнитонимам исконного происхождения: русск. *гусь, орел, утка*, нем. *Fink, Geier, Spatz* и др. Так, *орел* – 1. Крупная, сильная хищная птица сем. ястребиных, с загнутым клювом, живущая преимущественно в гористых или степных местностях. 2. Разг. О гордом, храбром, сильном, мужественном человеке. 3. Разг. Государственный герб с изображением такой птицы // Обратная сторона монеты с изображением герба. 4. *Астрон.* Экваториальное созвездие [СТСРЯ 2006: 725].

Наши наблюдения показали, что наименования как домашних, так и диких птиц находятся в развитых синонимических отношениях, отраженных в многочисленных синонимичных рядах. В связи с тем, что орнитонимы функционируют в трёх сферах языка, они образуют в основном межстилевые синонимические ряды, доминантой которых является, как правило, общеупотребительное, стилистически нейтральное слово (науч. *полевой лунь* – лит. *лунь* — диал. *белохвостик*; науч. *болотный лунь* – лит. *лунь* — диал. *камышевик*; науч. *Aaskrähe* – лит. *Krähe* – диал. *Gake*; науч. *Elster* – лит. *Elster*– диал. *Atzel, Heister* и мн. др.).

Каждая из сфер употребления орнитонимов характеризуется специфическими синонимическими отношениями. В научном стиле синонимические наименования встречаются редко. Это связано с особенностями языка науки, где необходимо четкое и недвусмысленное разграничение реальных и научных понятий. В связи с иерархичностью организации орнитологической лексики в языке науки, в этой сфере ярко проявляются особые, гиперо-гипонимические,

отношения ((*рябинник* (вид) – *дрозд* (род): соответственно орнитоним *дрозд* является гиперонимом слову *рябинник*; нем. *Wanderfalke* «сапсан» (вид) – *Falke* «сокол» (род): орнитоним *Falke* является гиперонимом нем. *Wanderfalke*).

Общепотребительные орнитонимы образуют, как правило, двучленные синонимические ряды, состоящие фактически из лексических дублетов (русс. *зарянка/ малиновка, коноплянка/ реполов, сова/ сплюшка* и др.; нем. *Rotfußfalke/ Abendfalke, Gimpel/ Dompfaff, Sperling/ Spatz* и др.). Отличия данных синонимов могут проявляться в семантике возникших на их основе новых слов с переносным значением, в различных мотивировочных признаках, а также в широте территориальной распространенности. В немецком языке орнитоним (судя по данным толковых и двуязычных словарей) может иметь и большее количество лексических дублетов (*Wanderfalke/ Taubenstößer, Waldfalke; Ringeltaube/ Holztaube/ Kohltaube/ Waldtaube; Heidelerche/ Baumlerche, Dulllerche, Heidenachtigall, Holzlerche*). В русском же языке трехчленные синонимические ряды, зафиксированные в толковых словарях, нам не встретились.

Для народной орнитонимии русского и немецкого языков характерно наличие не только лексико-семантической, но также фонетической вариативности (ср. нем. *Elster – Heister, Ägster, Agerst, Hätzel, Hätze*), обусловленной характером нормы в диалектной речи и степенью владения носителями языка нормами их литературного языка или диалекта, непониманием внутренней формы слова.

В говорах, в отличие от литературного языка и языка науки, функционируют также многочисленные словообразовательные варианты (русс. *ласточка – ластица, ластка, ластовица, ластвица, ластовка, ластушка*). В отличие от немецкого языка, русские орнитонимы в народной речи часто имеют уменьшительно-ласкательные суффиксы (*утка – уточка, утченка, утяшка, утёна; соловей – соловушек, соловушка, соловейка, соловейшук, соловейчик, соловчик* и мн. др.). Учет материалов исследования орнитонимии в других языках (украинском, английском, французском и т.д.) позволяет говорить о широком спектре вариативности в языках европейских народов.

Для орнитонимов характерен процесс метафорического переноса наименований. Наиболее распространен перенос по модели «наименование птицы → наименование человека» (русс. *орёл, пугалица, глухарь, индюк, сокол* и др., нем. *Gimpel, Hänfling, Kauz, Eule* и др.), что обусловлено ассоциативным характером человеческого мышления, наблюдательностью и поэтизацией человеком окружающей его природы. При этом для русского языка характерны переносные значения как с положительной (*горлица – ласковое обращение к женщине; голубь – ласковое обращение к мужчине; ласточка – в ласковом обращении к женщине, ребёнку; соловей – о человеке, обладающем красивым, преимущественно высоким голосом и др.*), так и с отрицательной коннотацией (*гусь – о ловкаче, или мошеннике, пройдохе; канюк – надоедливый проситель, попрошайка; индюк – о глупом, заносчивом, надменном человеке и др.*), в то время как в немецком языке, по нашим наблюдениям, преобладают переносы, сопровождающиеся отрицательной коннотацией (*Gans – глупая женщина, Eule – непривлекательная женщина; Gimpel – глуповатый, неопытный, нерасторопный человек; Hänfling – человек худощавого, тщедушного телосложения и др.*).

Кроме того, для немецкого языка характерна «общественная направленность» семантики метафоры (*Falke, Fink, Taube* и др.). Примеры наличия/отсутствия коннотативной направленности метафорических значений орнитонимов, обозначающих человека, в русском и немецком языках отражены в таблице, где + положительная коннотация, — отрицательная коннотация, о нейтральная направленность, × отсутствие подобного типа переносного значения

Русский язык	Коннотация	Немецкий язык	Коннотация
вальдшнеп	×	Schnepfe	—
ворона	—	Krähe	×
витютень	—	Ringeltaube	×
глухарь	—	Auerhahn	×
голубь	+	Taube	о
горлица	+	Turteltaube	×
гриф	×	Geier	—
гусь	—	Gans	—
зяблик	×	Fink	—
индюк	—	Pute	—
канюк	—	Bussard	×
коноплянка	×	Hänfling	—
орёл	+	Adler	×
петух	—	Hahn	—
пигалица	—	Kiebitz	—
снегирь	×	Gimpel	—
сова	о	Eule	—
сокол	+	Falke	—
соловей	+	Nachtigall	×
сорока	—	Elster	×
стервятник	—	Aasgeier	—
сыч	—	Kauz	о
чиж	×	(lockerer) Zeisig	—
ястреб	—	Habicht	×

Достаточно развит метонимический перенос названий птиц по модели «наименование птицы → название продукта» (русск. *курица, гусь*, нем. *Gans, Ente* и др.). ЛСВ со значением «мясо какой-либо птицы» в русских толковых словарях не всегда зафиксированы.

Семантическая история орнитонимов может также строиться по моделям: 1) «название птицы → название другой птицы, животного, насекомого или растения» (русск. *глухарь, сова*, нем. *Eule* и др.), 2) «наименование птицы → наименование предмета или явления» (русск. *жаворонок, ласточка, утка*, нем. *Dohle, Ente, Kuckuck* и др.).

Нами замечено, что орнитонимы могут выступать не только в качестве исходного лексико-семантического варианта, но и сами порой появляются в ре-

зультате метафорического переноса наименования какого-то общелитературного слова (русск. *конёк, королёк, юла*; нем. *Segler, Würger* и др.).

В орнитонимах мы обнаруживаем широко представленную универсальную тенденцию, заключающуюся в воплощении принципа «экономии физических усилий» (по Е.Д. Поливанову) (русск. научн. *ястреб-тетеревятник* – лит. *тетеревятник*, научн. *ястреб-перепелятник* – лит. *перепелятник*; нем. научн. *Hühnerhabicht* – лит. *Habicht*, научн. *Bluthänfling* – лит. *Hänfling*, науч. *Eichelhäher* – диал. *Häher*).

С теоретической точки зрения важной особенностью орнитонимов обоих языков является широко развитая омонимия, обусловленная естественными недостаточными знаниями носителей и литературного языка, и, тем более, местных говоров особенностей птиц и перенесением, в связи с этим, наименования одной разновидности птиц на другую (в русск. *канюк* – не только птица из семейства сарычевых, но и вид небольшого филина, и полевой коршун; русск. *вальдшнеп* воспринимается как птица «лесной кулик» и как «лесной бекас»). Это свидетельствует о том, что в «наивной» картине мира, как ее представляют носители многочисленных русских и немецких диалектов, птицы воспринимаются по-разному. Подобные перенесения, усиленные необыкновенной пестротой лингвистической географии русского и немецкого диалектного языков, создают огромные трудности для ученых-орнитологов и лексикографов.

В толковых словарях обоих языков вопрос разграничения полисемии и омонимии орнитонимов решается по-разному (*журавль* в СОЖ представлен как многозначное слово, в БАС оно однозначно, однако имеет омоним; нем. *Kiebitz* в словаре Дудена полисемантично, в словаре же Г. Варига переносные значения не зафиксированы, однако имеется омоним). В орнитологической лексике образование омонимов обусловлено несколькими причинами. Омоним возникает в результате: 1) образования слов от одной и той же основы, в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью, но каждое – со специализированным значением (*печеночка, пустельга*); 2) распада полисемии (*сорока*); 3) заимствования (*гриф, чайка, Star*); 4) схождения слов, исторически различных по происхождению (*Drossel*).

Лексикографическое описание орнитонимов существенно разнится. Семантический объем лексических значений орнитонимов в русском и немецком языках различается: 1) разным количеством сем, 2) разным их «качеством». Ср.

Ласточка -	лат. <i>Hirundo</i>	Schwalbe -
«маленькая птица из отряда воробьиных с длинными острыми крыльями, юркая и быстрая при полёте» [БАС 1955: IV, 76]		«быстро и ловко летающая певчая птица с коричневым или черно-белым оперением, длинными узкими острыми крыльями и раздвоенным хвостом» [Duden 2003: 1418]

В роли дифференцирующих признаков для наименования одной и той же птицы в этих языках могут выступать разные признаки (русск. *канюк* – «крик напоминает плач», нем. *der Mäusebussard* – «питающаяся преимущественно мышами»). Кроме того, иногда птицы сравниваются с разными, но внешне по-

хожими птицами (*канюк* в русском сравнивается с ястребом, в немецком же – с орлом; *ибис* – с цаплей, в немецком словаре – с аистом).

У российских лексикографов нами замечены предпочтения к кратким толкованиям типа «птица сем. вороновых», в то время как у немецких (прежде всего в словаре Дудена) – к дефинициям, описывающим внешние особенности птицы. Семантический признак «внешний вид» был выбран немецкими лексикографами в качестве актуального конкретизатора не случайно. Именно внешний вид, при отсутствии других ярких различительных признаков (пения, особенностей поведения и т.п.), помогает дилетанту в орнитологии получить правильное представление о той или иной птице и суметь отличить её от другой. Отдельно стоит словарь Г. Варига, определения птиц в котором тяготеют к научности и известной доле энциклопедизма (ср. *Gans* – представитель подгруппы пластинчатоклоковых, в которую наряду с гусями (в узком смысле) входят лебеди (*Anserinae*); (в узком смысле) представитель рода водоплавающих птиц, имеющий 14 видов (*Anser*, *Bramla*). Несомненным преимуществом данного лексикографического труда является наличие в семантизации латинского термина.

Проведённый сравнительный анализ дефиниций орнитонимов раскрыл такое лексикографическое явление, как непоследовательность структуры дефиниций, которая заключается в том, что составители того или иного словаря по отношению к подаче орнитонимов не выработали перечня единых *необходимых* компонентов для научной «презентации» птицы.

С учетом многообразия птиц и авторского подхода к толкованию орнитонимов, абсолютная унификация их определений, видимо, практически невозможна. Однако, тем не менее, разработка общих моделей толкований необходима. Семантизация орнитонима, на наш взгляд, может включать следующие элементы: 1. Латинское обозначение. 2. Обязательные конкретизаторы (размер, среда обитания). 3. Идентификатор. 4. Таксономическую категорию (род, семейство, отряд). 5. Вариативные конкретизаторы (внешний вид, особенности поведения, рацион питания, голосовые особенности и др.)

Вариативность конкретизаторов, указывающих на семантические признаки, закреплённые за каждым словом, не означает их необязательности, а понимается нами как такие дифференцирующие признаки, которые изменяются в зависимости от денотата. В том случае, если птица мало чем отличается от других родственных ей, рекомендуется описывать её внешний вид в качестве наиболее отличительного признака. По нашему мнению, чем более неизвестной является птица, тем большее количество вариативных конкретизаторов должно содержать её толкование. Наоборот, для разграничения значений всем известных слов, называющих всем известных птиц, нет необходимости давать подробное описание птицы, можно ограничиться выделением наиболее существенного признака, отличающего данную птицу.

В третьей главе «Лингвокультурологический анализ орнитонимов» описывается национально-культурная специфика наименований птиц.

Начиная с древнейших эпох, существовала тенденция человеческого мышления сочетать наблюдения над действительностью с фантазией, с созданием художественного образа, с метафоризацией, в которой более всего видно отражение тра-

диционной народной поэтики, персонификации и одухотворения, связанных с жизнью человека.

В зависимости от направленности символики в среде орнитонимов выделяем две группы: наименования птиц с положительной (русск. *орел, сокол, аист, ласточка, лебедь, голубь, соловей*; нем. *Adler, Falke, Storch, Schwalbe, Schwan, Taube, Nachtigall*) и отрицательной символикой (русск. *ворон, ворона, коршун, ястреб, петух, кукушка, ночные птицы*; нем. *Rabe, Habicht, Hahn, Kuckuck, Eule, Kauz*). Наиболее значимыми птицами с древней символикой признаются *орел* и *сокол* в славянской традиции, *орел* и *ворон* - в мифологии германцев.

Важной особенностью мифологического мышления является порождение полисемантизма орнитонимов-символов, проявляющегося в том, что орнитоним может выступать в роли символа разных, подчас несопоставимых явлений. Так, у русских *соловей* – образ и певца, и холостого парня, и заботливого отца, и обманщика, соблазнителя. В немецких представлениях *кукушка* – и олицетворение дьявола, и неверный муж, и вестник весны. Полисемантизм символики орнитонимов характерен как для русского, так и для немецкого языков.

Огромное значение на ранних этапах развития человеческого мышления придавалось бинарности противопоставлений. Среди орнитонимов, наряду с противопоставлением «мужское/женское», мы обнаруживаем оппозицию «плохое / хорошее», которая в эпоху христианства трансформировалась в понятия «чистые»/«нечистые» птицы. Оценочные характеристики орнитонимы получили особенно в русском языке, в том числе с помощью цветowych прилагательных «белый – черный» (*белый лебедь, белый голубь, черный ворон, черный петух*), где «белый» олицетворяет положительное начало, черный – отрицательное.

Основные составляющие символики орнитонимов русского и немецкого языков представлены в таблице.

Название птицы	Русская символика	Немецкая символика
аист	<ul style="list-style-type: none"> ▪ счастье ▪ прибыль ▪ оберег ▪ огонь 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ счастье ▪ деторождение, брак ▪ огонь
ворон	<ul style="list-style-type: none"> ▪ вещая птица ▪ вестник несчастья 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ вещая птица ▪ битва ▪ война, смерть
голубь	<ul style="list-style-type: none"> ▪ святой дух ▪ вестник ▪ любовь ▪ жених / невеста 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ вестник Божьей воли ▪ возлюбленная
кукушка	<ul style="list-style-type: none"> ▪ старая дева ▪ незаботливая мать ▪ молодая женщина 	

		<ul style="list-style-type: none"> ▪ вещая птица ▪ вестник весны ▪ дьявол ▪ связь с ястребом ▪ неверный мужчина
ласточка	<ul style="list-style-type: none"> ▪ счастье, добро ▪ покровительница дома ▪ невеста ▪ вестник весны 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ счастье ▪ покровительница дома
лебедь	<ul style="list-style-type: none"> ▪ чистота, милосердие ▪ совершенство ▪ способность к пророчеству ▪ девушка / невеста 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ способность к пророчеству ▪ молодая девушка ▪ чудесные превращения
орел	<ul style="list-style-type: none"> ▪ небесная энергия, огонь ▪ бессмертие ▪ свобода 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ сила, мощь ▪ ветер
сокол	<ul style="list-style-type: none"> ▪ победа ▪ молодой воин ▪ молодец, жених 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ предводитель, лидер ▪ молодец, жених
соловей	<ul style="list-style-type: none"> ▪ певец ▪ жених, холостой парень ▪ обманщик, соблазнитель 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ певец ▪ советчик, поверенный влюбленных ▪ возлюбленная ▪ вестник весны

Сходство в символике орнитонимов логично, на наш взгляд, рассматривать как остатки некогда общей мифологии и общего языка. Результатом же самостоятельного развития народов и их мировоззрения стали несовпадения в символике птиц, отраженные в более позднем фольклоре русского и немецкого народов.

Мифологическая культура продолжает свое существование в образной метафоре, а также во фразеологии в широком ее понимании. В обоих языках самыми многочисленными являются устойчивые сочетания с названиями домашних птиц, а также птиц, обитающих рядом с человеком (напр. *воробей*, *ворона*, *сорока* и др.). Общим свойством подобных фразеологизмов является ярко выраженный антропоцентризм как универсальный способ познания. Так, русские фразеологизмы *каков гусь*, *хорош гусь* (ловкач, мошенник), *гусь лапчатый* (пройдоха, плут), *гусь порядочный* (нерасторопный, недальновидный, заносчивый человек) – нем. *ein Gesicht machen wie eine Gans, wenn es donnert* (иметь

глупый вид, «букв. «сделать такое выражение лица как гусь, когда гремит гром»»), *eine dumme Gans* (глупая женщина, дура) характеризуют человека с отрицательной стороны. В приведенной ниже таблице представлены основные черты человека, которые образно отражаются во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского и немецкого языков.

Характеристика человека	Русский язык	Немецкий язык
Нерасторопность, недальновидность	гусь, курица	
Хитрость, пронырливость	гусь	
Глупость	курица, тетерев	гусь, курица
Бесхарактерность	курица	
Задиристость	петух	петух
Важность, горделивость		петух, павлин
Гордость, спесь	аист	
Болтливость	сорока	сорока
Непоседливость	сорока	
Тщеславие		павлин, петух
Дерзость		воробей
Склонность к воровству	сорока, воробей	сорока, ворон
Смелость	сокол	
Трусость	ворона	
Благородство	орел	орел

Большинство из этих черт человека относится к отрицательным. Чтобы подчеркнуть ту или иную особенность птицы, в пословицах русского и немецкого народов нередко используется контраст образов (русс. *сокол – тетерев, орел – тетерев, сокол – ворон, петух – курица, синица – журавль* и др.; нем. *Adler – Taube, Adler – Pfau, Habicht – Taube, Gans – Nachtigall, Schwalbe – Spatz* и др.). Совершенно очевидно, что контрастивные противопоставления птиц практически не совпадают. Случаи совпадения ФЕ либо восходят к одному источнику (в том числе как результату заимствования), либо являются следствием единого или схожего восприятия мира. Более многочисленные несовпадения, отображенные во фразеологизмах русского и немецкого языков, составляют национальную специфику сопоставляемых языков и культур.

В главе также раскрыто использование образов птиц и их наименований в фольклоре, обычаях, обрядах русского народа. Привлекается, хотя в несколько меньшей степени, материал творчества немецкого народа.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования: представлены обобщающие выводы о семантике орнитологической лексики, её функциональных особенностях, лексикографическом описании и национально-культурной специфике.

Перспективы исследования видятся в разработке (на основе обобщения материалов по изучению орнитонимии славянских, германских и романских языков) общей истории европейских орнитонимов в генетическом, функциональном и ареальном аспектах.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:
А. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.**

1. Тризна Л.В. Мотивация именования птиц в русском и немецком языках [Текст] / Л.В. Тризна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – Москва: Изд-во РУДН, 2009, № 1. – С. 70-77.

2. Тризна Л.В. Человек, как птица, и птица, как человек [Текст] / Л.В. Тризна // Русская речь. – М.: РАН, 2010, № 1. – С. 58-60.

3. Амелина Л.В. Семантический объем лексических значений орнитонимов в русском и немецком языках [Текст] / Л.В. Амелина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010, № 1. – С. 120-123.

4. Амелина Л.В. Многозначность и омонимия в системе орнитонимов русского и немецкого языков [Текст] / Л.В. Амелина // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2010, № 2. – С. 170-173.

Б. Статьи в других изданиях.

5. Тризна Л.В. Сопоставительное исследование орнитонимов русского и немецкого языков как материал для изучения истории народа и его мировоззрения [Текст] / Л.В. Тризна // Русский язык и духовная культура: Материалы научно-практической конференции, 26 марта 2008 года. – Брянск: БИПКРО, 2008. – С. 133-137.

6. Тризна Л.В. Наименование человека и птицы в русском языке: взаимное производящее [Текст] / Л.В. Тризна // Текст. Язык. Человек: Сборник научных трудов. – Часть 2. – Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина, 2009. – С. 76-77.

7. Тризна Л.В. Некоторые особенности словообразования орнитонимов в русском и немецком языках [Текст] / Л.В. Тризна // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 71-78.

8. Амелина Л.В. Национальное своеобразие фразеологизмов в сфере орнитонимии русского и немецкого языков [Текст] / Л.В. Амелина // Вестник Брянского государственного университета. К. 80-летию Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 16-22.

9. Амелина Л.В. Символика птиц у восточных славян [Текст] / Л.В. Амелина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года, приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 33-36.

10. Амелина Л.В. К вопросу о характере толкований орнитонимов в русском и немецком словарях [Текст] / Л.В. Амелина // Славянская культура в истории и современном мире: материалы Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире». – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 4-8.

11. Амелина Л.В. Образ кукушки в русской и немецкой народной традиции [Текст] / Л.В. Амелина // Найновите постижения на европейската наука: Материали за VII международна научна практична конференция. – София, 2011. – С. 33-35.

Подписано в печать 27.01.2012г. Формат 60х84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 127

Отпечатано в ООО «КАРАТ»